

об «Истории государства Российского», — нарисованных не с натуры, но по воле художника»,²⁹ и с этим нельзя не согласиться.

Вместе с тем Карамзин не замыкал авторский вымысел в круг психологического анализа. Как автор-историк он оставлял за собой свободу выбора исторических свидетельств. С. М. Соловьев в очерке литературной деятельности Карамзина хорошо показал, как выбор источников Карамзин подчинял задаче художественного изображения истории. «Писатель истощал свое искусство, — писал Соловьев, — чтобы удержать яркость, ослепляющую зрение, желая соблюсти всю силу внешнего впечатления. Понятно, почему Карамзин, принимая авторитет Курбского, однако отступает от известий последнего при описании блестящих событий первой половины царствования Иоаннова... Если бы Карамзин принял представление Курбского — что все эти подвиги совершены не Иоанном, а руководителями его... то что было бы с картиною?»³⁰

Эстетический смысл истории раскрывался Карамзину не в буквальном следовании историческим фактам. Писатель особенно ценил тот простор для творческого воображения, который предоставляли материалы истории. Карамзин показал, что изложение истории может быть только концептуальным, и обосновал эту мысль теоретически. Историческая концепция самого Карамзина, как известно, не во всем удовлетворяла русскую передовую общественность. Заслуга Карамзина была в том, что он освоил русскую историю эстетически, устранив тот «недостаток в искусстве», о котором печалился Ломоносов.

Роль исторического факта и творческого домысла в исторической концепции Карамзина попытался исследовать американский ученый Х. Дьюи.³¹ Он отметил мужество и смелость русского историографа, создавшего историческую биографию Грозного и других лиц, деятельность которых, вследствие политической борьбы, раскрыть только по документам почти невозможно.

Карамзин справился с этой задачей, потому что подошел к истории не только как ученый, но и как художник. Проникновенное писательское дарование, психологическое чутье помогли ему раскрыть истинное значение ряда событий и лиц, принадлежащих русской истории; многие исторические характеристики Карамзина приняты современной наукой.

²⁹ Н. Полевой. Очерки русской литературы, ч. 2, стр. 20.

³⁰ С. М. Соловьев. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность. Отечественные записки, 1855, т. 105, стр. 430.

³¹ H. Dewey. Sentimentalism in the Historical writings of N. M. Karamsin. Mouton, 1958.